

ЧАСТЬ 1
ЧУЖОЙ ДОМ

Люди богаты тем, что сами вокруг себя создают. Двери ограждают их от того, что им чуждо, и от тех, с кем им не по пути.

Малгожата Домагалик

ГЛАВА 1,

*В КОТОРОЙ Я РАССКАЗЫВАЮ
О СВОЕМ ДЕТСТВЕ И ПЕРВОЙ ЛЮБВИ
(КОНЕЧНО ЖЕ, САМОЙ НАСТОЯЩЕЙ)*

Раннее детство я не помню. Пожалуй, в памяти сохранились лишь запахи, но кому они принадлежали, что это были за люди?.. Загадка, которую никогда не удавалось разгадать. Иногда мне казалось, что лет до пяти я с отцом и матерью кочевала из страны в страну, не задерживаясь на одном месте больше пары недель. Мне даже мерещились огромные слоны, высоченные жирафы и страшные полосатые тигры. Воображение торопливо рисовало то песчаный берег, то непроходимые джунгли, то снежные пики гор. Иногда, наоборот, позабытая жизнь представлялась однообразной и скучной до дремоты, и тогда в ушах начинал звенеть колокольчик, и раздавалось настойчивое тиканье часов. Но запахи... Запахи всплывали постоянно. Одни и те же. Они щекотали нос и отчего-то повышали настроение. Я закрывала глаза и улыбалась.

Резкий, терпкий, почти удушливый... Мужской или женский? Я не знаю.

Теплый, цветочный, солнечный — наверное, мамин. Мне нравится так думать.

Табачный, аптечный, хвойный — вперемешку. И опять вопрос — чей он?

Слишком крепкий, но бархатный, сладкий и отталкивающий одновременно...

О, если бы можно было их схватить, приоткрыть, как какую-нибудь коробочку, и заглянуть внутрь! Но увы...

Зато я помню почти все, что со мной происходило после шести лет. Однажды я проснулась, и... взгляд сначала коснулся потолка, посеревшего от старости и миллиона извилистых трещин, затем махровой паутины с дохлой мухой, потом пыльной люстры, напоминающей самую обыкновенную трехлитровую банку, и выцветших желтых штор с двумя большими дырками посередине.

— Проснулась? Вставай. Нечего валяться, — раздался незнакомый ворчливый голос.

Я повернулась на бок и увидела невысокую полную женщину в цветастом халате. Рыжий пучок на голове, маленькие глазки, крючковатый нос и тяжелый подбородок делали ее похожей на ведьму или кикимору, и я, конечно, мгновенно струхнула. Натянула одеяло до ушей, задержала дыхание и зажмурилась. Умей я превращаться в букашку и прятаться в складках постельного белья, то непременно бы так и поступила, но, к сожалению, у меня не было волшебных способностей, поэтому я обреченно приготовилась к худшему.

Долго ждать не пришлось, уже через минуту я вновь услышала едкий голос женщины...

Хозяйка дома не имела ничего общего с отрицательными персонажами сказок (если не считать ее характера), и наша встреча объяснялась просто: в жизни есть плохое и хорошее, и уж кому как повезет...

Тамара Яковлевна Зубенко приходилась мне дальней родственницей и, в силу трагических обстоятельств, была вынуждена взвалить на свои плечи груз невероятной ответственности, а именно: воспитание «несчастной сироты, которая наверняка окажется неблагодарной и лет через семь-восемь либо устроит поджог, либо разболеется и назло помрет». То есть речь шла о моем воспитании.

Тамара Яковлевна коротко сообщила, что мои родители погибли в автомобильной катастрофе, и отныне и навсегда я — ее «послушная племянница», а она — моя «замечательная тетя Тома». И еще, заметила она, «следует сказать спасибо, потому что в приютах сейчас недобор».

Честно говоря, в тот момент мне хотелось заполучить какую-нибудь другую тетю, но выбирать не приходилось, и, так как в голове было пусто, я лишь тихо вздохнула в ответ и без особых эмоций приняла условия. Расплывчатые образы мамы и папы промелькнули передо мной, но я не стала прижимать их к груди — это я собиралась сделать позже, когда останусь одна.

Странно, я знала некоторые имена, умела читать, считать, могла пересказать огромное количество сказок, хорошо ориентировалась в других вопросах, но тем не менее оставалась маленькой девочкой без прошлого. Довольно долго меня эта проблема особо не беспокоила — часть души крепко спала, не желая дополнительной правды. Намного позже я все же стала проявлять интерес, однако любопытство на корню было безжалостно задушено тетей Томой.

«Там, где ты жила раньше, уже трава выросла по пояс! — гаркала она, заводясь с поворотом. — Или умные люди небоскреб построили! Хватит маяться дурью!»

Обычно разговор обрывался, толком не начавшись, и со временем я махнула рукой на ту пустоту, которая мешала мне бегать босиком по деревне, перелезть через заборы, подбирать с земли яблоки, печь в углях картошку, обжигать ноги крапивой и совершать кучу невысказанных поступков, не одобряемых тетей Томой. За плохое поведение она наказывала меня однообразно, но с удовольствием: или таскала за ухо, или запирала на чердаке, или стегала хворостиной, или лишала обеда и ужина. И всегда при этом кричала так громко, что соседские

куры начинали нервно кудахтать и неслись, выстреливая разом по три яйца.

Учеба в школе мне давалась легко, даже по музыке я умудрялась получать четверки и пятерки, хотя ни слуха, ни голоса не имела. Пожалуй, мне не хватало терпения и аккуратности, да и богатое воображение частенько мешало сосредоточиться, но на эти минусы учителя закрывали глаза, жалея «несчастную сироту».

Лет до десяти я действительно вызывала жалость, потому что была бледной и тощей, носила одежду на пару размеров меньше, чем нужно, постоянно шмыгала носом и болела. В пылу гнева тетя Тома отстригла мне волосы, и я напоминала мальчишку-пастуха, заблудившегося и прожившего в лесу не меньше двух месяцев. Учителя подкармливали меня то пирожком, то котлетой, а библиотекарша Валентина Сергеевна, до невозможности добрая женщина, приглашала к себе на борщ и несколько раз приносила тете Томе тюк с девчачьей одеждой, за что получала благодарность: «Спасибо, голубушка, мы бы без вас замерзли этой зимой!» — и клятвенное заверение: «Приодену свою горемыку уже к завтрашнему дню, не волнуйтесь». Я радовалась и млела.

Выпив лишнего, тетя Тома любила хорошенько «вжарить государству». Она ругалась, била посуду, грозила в окно кулаком, а затем, устав, хватала зеленую замусоленную тетрадь и принималась складывать цифры столбиком. Прикинув на бумаге очередную сумму долга, она минимум полчаса сокрушалась, что растит меня задарма, не получает необходимых пособий, «и вообще пора всех гнать из правительства поганой метлой!».

Но наша бедность была какой-то однобокой и непонятной. Тетя Тома считала каждую копейку и при этом покупала себе такую одежду, которой не было ни у кого в округе, — явно безумно дорогую. Раза два в сезон она быстро собиралась и уезжала, а возвращалась с пухлыми сумками, пакетами и коробками. Обновки же она ни-

когда не носила, а складывала в чемоданы на чердаке и берегла как зеницу ока. Очень боялась, что украдут или начнут завидовать и на наш дом обязательно свалится напасти. А когда тетя Тома перебирала свое имущество, а случалось это часто, она пела и хохотала, отчего стекла в окнах дрожали и рюмки в буфете позвякивали. Я в такие вечера всегда старалась смотреться подальше...

Лет в одиннадцать я окунулась с головой в мир книг. Читала, читала и читала, пока не затекала спина или сон не валил с ног — придуманные миры, плохие и хорошие герои тянули меня к себе, не отпускали. Устроившись в библиотечной комнате на подоконнике, переворачивая страницы, я негодовала, удивлялась, злилась, переживала и мечтала о точно таких же приключениях. Мне хотелось тайно, под покровом ночи, покидать страну, плести интриги, острыми фразами побеждать врагов, отправляться в кругосветное путешествие, танцевать на балу, совершать подвиги... Валентина Сергеевна подсовывала мне очередной томик, улыбалась и говорила: «Эта история тебе точно понравится, не сомневайся». А я и не сомневалась, проглатывала все подряд и чувствовала себя абсолютно счастливой.

Даже если бы библиотека находилась не в пристройке к школе, а за тридевять земель, я бы все равно каждый день преодолевала огромное расстояние, предвкусывая встречу со старенькими потрепанными книгами.

— Настя, ты сегодня ела? — спрашивала Валентина Сергеевна.

— Ага, — кивала я, хотя обед был пропущен и голод уже давал о себе знать.

Но особенно я обожала романы, в которых присутствовала любовь: чтобы *он* и *она* познакомились, втрескались друг в друга по уши, потом сокрушили преграды и поженились. Сердце от волнения колотилось так, что в груди становилось горячо, я нервно кусала губы и за пару часов сгрызала карандаш до непригодного

состояния. Если концовка истории была плохой, я возвращалась домой, падала на свою скрипучую кровать и рыдала, проклиная злодейку-судьбу, глупость героев и заодно жестокого, бессовестного автора. Любовь всегда должна быть прекрасной! Что это за чувство, которое не выдерживает испытаний? Ерунда. Я бы выдержала все! И сколько угодно! Я бы не отдала, не отпустила. Ни за что!

А еще я не могла оторваться от журналов. Листая их, рассматривая фотографии, я представляла себя и умопомрачительной красавицей, сидящей на скамейке в парке, и известнейшей актрисой, шагающей в белом платье по красной ковровой дорожке, и деловой женщиной в строгом костюме, держащей в руке плоский портфель. Но я очень сомневалась, что где-то есть настолько другая жизнь...

Тринадцатилетие ознаменовалось для меня двумя наиважнейшими событиями. Прямо в день рождения я получила от судьбы два невероятных подарка, которые потрясли меня до глубины души и наполнили последующие дни восторгом и волнением. Покой улетучился с такой скоростью, что некоторое время я пребывала в полубморочном состоянии и вполне заслуженно получала от тети Тома шлепки и крепкие словечки. Я спотыкалась на ровном месте, улыбалась невпопад, проливали чай на скатерть, вертелась около зеркала и то радовалась, то огорчалась...

В тот день, десятого февраля, погода, как назло, испортилась. Я ждала солнца, но небо заволкло тучами, температура опустилась до двадцати четырех градусов, ледяной ветер завывал и обжигал щеки, да еще добавился снегопад... Полтора километра до школы — не слишком большое расстояние, привычное, но в то утро оно мне казалось бесконечным.

Зимние ботинки развалились, и я надела осенние, старенькая коричневая куртка совершенно не спаса-

ла от холода, вязаная шапка тети Томи съезжала назад и не грела. Лилька, одноклассница и подруга, увидев меня, стала подпрыгивать на месте и хлопать себя руками по бокам. Мы с ней из разных деревень и всегда встречались в одно и то же время на развилке.

— Опаздываем! — выпалила она, морща нос. — Я тебя жду, жду... Холодина!

— Ага, — согласилась я. — Тетка задержала...

— Ой, поздравляю с днем рождения! — Лилька перестала подпрыгивать и улыбнулась до ушей. — Желаю счастья, здоровья и всего самого хорошего!

— Спасибо.

Зуб на зуб не попадал, и мы быстрым шагом устремились дальше, продолжая разговор на ходу.

— А что тебе тетка подарила? — с любопытством спросила Лилька, прищурившись. Моя жизнь ей часто казалась удивительно-непонятной, наверное, потому, что наши семьи были совершенно разные.

— Шапку, — коротко ответила я.

— Эту?

— Да.

— Но она... ну... странная какая-то.

— Ты кого имеешь в виду? Тетку или шапку?

— Тамара Яковлевна само собой немножко того... Я про шапку!

Лилька считала себя модницей. Во-первых, ее мама шила отличные вещи, благодаря чему даже несколько раз побывала в Большом доме, построенном пять лет назад московскими богатеями на берегу озера. Семья Акимовых, проживающая в двухэтажном особняке, давно обросла легендами и тайнами и вызывала живейший интерес буквально у всех. Во-вторых, прошлым летом Лилька коротко постриглась, подражая какой-то французской певице, и теперь мечтала покрасить волосы в яркий, почти оранжевый, цвет. Она собиралась сделать это еще под Новый год, но натолкнулась на стену

непонимания со стороны бабушки, расстроилась и отложила перевоплощение на другую дату. «Представляешь, — возмущалась Лилька, — она пообещала содрать с меня три шкуры! Сказала, что это прямая дорога в ад, и назвала меня перспективной блудницей. Интересно, откуда она такие слова знает?..» Я тоже мечтала перекрасить свои скучные светлые волосы в шоколадный цвет, но не в ближайшем будущем, а лет через десять-пятнадцать. В-третьих, у Лильки была потрясающая сумка с кисточками на кармашках и разноцветными бусинками на ремне. Это чудо ей прислала из Санкт-Петербурга старшая двоюродная сестра.

— Шапка мне просто велика. — Я пожала плечами. — Ее раньше тетя Тома носила, а потом она ей понравилась.

— Понятно, — многозначительно выдала Лилька, и мы, переглянувшись, захихикали.

Пять уроков тянулись бесконечно. Я совершенно не могла настроиться на учебу, поэтому сидела тихо, практически не шевелясь, и мечтала.

Тринадцать лет — это же много?

Да, я уже взрослая.

Но что изменилось?

Мне хотелось чего-нибудь нового, необыкновенного, особенного, но в голову лезла какая-то ерунда: а если устроить скромную вечеринку на чердаке (невозможно, потому что невозможно), а если купить билет на поезд и умчаться на юг или на север (невозможно, потому что невозможно), а если раздобыть косметику, накраситься и... И что дальше? Нет, все не то... Я вздыхала и бросала короткие взгляды на Лильку. Тихая грусть и детская глупая зависть переполняли душу до краев. У моей подруги была семья: мама, папа, бабушка, дедушка плюс многочисленная родня. И они все воевали между собой с утра до вечера, а затем так же шумно мирились и рыдали от умиления. Они собирались по выходным за кру-

глым столом, изредка куда-нибудь ездили или ходили друг к другу в гости. Лилька рассказывала, что много лет назад, когда она еще не родилась, ее близкие пять месяцев придумывали ей имя: спорили до потери сознания, ругались, сгоряча делили имущество, ходили к провидице, изучали словари и в конце концов угомонились, выбрав — Лилия. Имя редкое, но, как ни странно, строгая бабушка его одобрила — видимо, сказалось увлечение любовными романами. Я никогда не была у них в доме, но не сомневалась, что в комнатах уютно, тепло, а на кухне всегда пахнет пирогами.

— Пойдем к озеру, — предложила Лилька после уроков. — Колька сказал, что Акимовы приехали на новой тачке — огромной, с рисунком! Вроде огонь нарисован и черная пантера... Врет, наверное, но все равно давай сходим и посмотрим, а?

Дом у озера мы называли Большим домом — с главных букв, уважительно. Мы не знали, кто там живет постоянно, а кто бывает наездами, но, по слухам, хозяевами были пожилой мужчина, вечерами попыхивающий трубкой на балконе, и его чудаковатая жена, обожающая пуделей и розовый цвет. Именно она как-то обратилась к Лилькиной маме с просьбой укоротить платье. Так же на участке частенько видели высокую блондинку лет сорока, полного мужчину с пышными усами, двух старушек, нервную дамочку, а еще мальчика и девочку. По разведанным Кольки, «на буржуев Акимовых батрачили» шофер, садовник, домоправительница (похожая на Фрекен Бок), повариха и три служанки. Я подозревала, что он врет и количество обслуживающего персонала можно смело поделить на два. Но, с другой стороны, это могло быть и правдой — по словам Лилькиной мамы, коридоры и комнаты Большого дома обставлены очень богато, и не так-то просто убрать на двух этажах («а чисто там и красиво, как в музее»).